

— Похоже, из Крыма придется уходить, — полковник Тарасов встал из-за стола и прошелся по кабинету. — Сегодня ночью фашисты прорвали нашу оборону на Перекопе. Получено сообщение...

Все, кто находился в кабинете, а их, помимо полковника Тарасова, было восемь человек, переглянулись и встревоженно зашумукались. То, что сообщил Тарасов, было для них новостью.

— Да, товарищи! — мрачно подтвердил полковник. — Такие, значит, дела... Коль они прорвали перекопские укрепления, то, значит, через несколько дней будут здесь, в Симферополе. И удержать их нам вряд ли удастся. От Перекопа почти до самого Симферополя — ровная степь. Зацепиться не за что... К тому же наши части обескровлены и потрепаны, не хватает боеприпасов...

Полковник умолк и бездумно посмотрел в окно. За окном шел дождь — унылый, осенний, нескончаемый. На редкость дождливая осень выдалась в Крыму в 1941 году. В каком-то смысле это было

хорошо. Раскисшие крымские дороги не давали немцам продвигаться слишком быстро, их техника вязла в глинистой крымской почве, приходилось тратить немало сил и времени, чтобы выволить ее из цепких объятий крымской земли. Но, конечно, погодных условий было мало, чтобы остановить продвижение врага. А значит, нужно было готовиться к неизбежному — уходу из Симферополя и вообще из Крыма. И дальше, на восток, за Керченский пролив...

— Вот такая складывается ситуация, — полковник Тарасов отвернулся от окна и оглядел по очереди всех, кто был в кабинете. — Уже получен приказ — готовиться к отступлению. Всем — и армейским частям, и нам, НКВД. Так что сами понимаете... Потому я вас и собрал. Разумеется, наше отступление — дело временное. Мы обязательно вернемся и погоним фашистских гадов с нашей земли. Но... — полковник Тарасов умолк и опять бесцельно стал смотреть в окно. — Когда это будет? Может, через месяц, а может, через два или три года... Никто этого не знает. Вот потому мы и оставляем здесь группы сопротивления. Война, она не только там, — полковник указал рукой куда-то вдаль. — Она и здесь, во вражеском тылу. И воевать здесь еще труднее, чем на линии огня. Там-то, по крайней мере, понятно, кто враг, а кто боевой товарищ. А вот здесь... — Тарасов махнул рукой. — Майор Колодезев!

— Я! — встал из-за стола Колодезев.

— Доложите обстановку! — велел полковник. — Вы понимаете, о чем я говорю?

— Так точно, — спокойно и неторопливо ответил майор.

Он вообще был человеком спокойным, целеустремленным, исполнительным и обстоятельным. Оттого ему и поручили столь важное задание — организацию подполья в Крыму. В частности — в Симферополе, как главном городе полуострова.

— Значит, так, — откашлялся Колодезев. — На данный момент мы организовали шесть партизанских отрядов. Для них готово все необходимое — склады с оружием и продовольствием, места базирования. Можно начинать воевать хоть завтра. Но... — майор помолчал и продолжил: — Места здесь не партизанские, вот ведь какая беда. Укрыться особо негде.

— Как так негде? — возразил кто-то из присутствующих. — А горы? А лес в горах?

— Сколько там тех гор, и сколько там того леса! — вздохнул Колодезев. — Так, самая малость. Это вам не Полесье и не брянские чащи. Это Крым. Пятачок земли, можно сказать. Да и к тому же все окрестные леса и все горы исхожены народом вдоль и поперек. Во все стороны расходятся дороги! А где нет дорог, там тропинки. Очень удобно для туристов и разного гуляющего народа. А значит, и для немцев. И попробуй укройся в тех горах и лесах!

— Так что же делать? — спросил кто-то из присутствующих.

— Воевать, — спокойно ответил Колодезев. — Но воевать с умом. Оттого что большому количеству людей будет негде спрятаться, мы слишком больших партизанских отрядов и не организовывали. Два-три десятка человек в каждом отряде... Тогда, в случае чего, и укрыться будет легче.

— Много ли навоюешь с таким количеством бойцов! — хмыкнул кто-то из присутствующих.

— Если умеючи, то много, — возразил Колодезев. — Двадцать-тридцать человек — оптимальное количество для совершения диверсий. Взорвали, допустим, склад с горючим и разбежались в разные стороны. И найди их, когда они поодиночке уходят... А назавтра собрались в условленном месте и еще одну диверсию устроили. Ну, и так далее. Вот такая предполагается партизанская тактика. Конечно, пока это все теоретически. А как оно будет на самом деле, жизнь покажет. — Колодезев умолк и вздохнул.

— И что же, помимо диверсий, больше никаких способов борьбы с врагом не предполагается? — въедливо поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Говорю же, завтрашний день покажет, — терпеливо произнес Колодезев. — Но, во всяком случае, брать штурмом Симферополь бойцы не бу-

дут. Такой задачи мы перед ними не ставили, — майор грустно усмехнулся.

— Докладывайте дальше, — сказал полковник Тарасов.

— А дальше — подпольные группы в городе, — продолжил майор Колодезев. — На них мы возлагаем большие надежды. Может, даже еще большие, чем на партизан. Почему? Потому что в городе укрыться легче, чем в декоративных крымских горах. На сегодняшний день нами организованы четыре подпольные группы, которые начнут действовать, как только враг захватит город, — Колодезев опять тяжело вздохнул. — Мы обеспечили их всем, что нужно для борьбы — оружием, взрывчаткой, продовольствием, даже рацией. Само собою, имеются явочные квартиры, пароли, способы связи друг с другом и партизанами... Численность групп, опять же, небольшая, но слишком много народу и не нужно. Большое количество людей будет демаскирующим фактором, — пояснил майор. — Конечно, в случае надобности группы могут пополняться из местного населения. Это обычная практика подпольной борьбы.

— Вы сказали — четыре группы... — произнес кто-то из присутствующих.

— Да, четыре, — подтвердил майор. — При чем каждая группа может действовать автономно. У нее свое собственное название, свои явки и пароли, свои места хранения оружия... То есть члены

какой-то одной группы ничего не знают о другой, третьей и четвертой группах. А те, в свою очередь, ничего не знают о других группах.

— Но это уменьшает возможности для борьбы! — возразил кто-то из присутствующих. — Сообща можно сделать намного больше!

— Может, и так, — согласился Колодезев. — Но зато подобная организация подполья увеличивает живучесть каждой группы. Допустим, одна из групп провалится, и ее участников разоблачат и арестуют. А это очень даже возможно, сами понимаете... Так вот — разоблачат и арестуют. Но зато останутся другие группы. Потому что никто из арестованных не сможет ничего сказать немцам о других группах. Он их просто не будет знать! А, стало быть, оставшиеся три группы продолжат борьбу.

— Что-то я вас не понимаю! — с сомнением произнес один из присутствующих. — Вы сказали — никто из арестованных не сможет ничего сказать о других группах. Вы что же, предполагаете, что среди подпольщиков могут оказаться предатели?

— Я предполагаю все, в том числе и это! — прежним спокойным тоном пояснил Колодезев. — Да и как не предполагать? Люди — всегда люди. В том числе и подпольщики. Кто-то может оказаться и предателем. Так что приходится учитывать и это обстоятельство.

— Но зачем же набирать для подпольной борьбы предателей! — негодуяще произнес чей-то голос.

— А вы что же, знаете способ заглянуть в человеческую душу? — с грустной иронией спросил Колодезев. — Ну, так поделитесь, если знаете. Будем знать и мы.

Никто из присутствующих не произнес на это ни слова.

— Ну, что же, — сказал полковник Тарасов. — Будем считать, что совещание закончено. Не время рассиживаться, — он опять покосился в окно, за которым продолжал моросить нескончаемый осенний дождь. — Прошу всех отправиться по местам и заняться своими обязанностями. То есть готовиться к отступлению из города. Каждый из вас знает, что ему делать.

Это было последнее совещание симферопольского отдела НКВД. Через день советские войска покинули город, и в Симферополь вошли немцы.

2

Как боролись с фашистами симферопольские партизаны и подпольщики, какие подвиги они совершили, как приближали общую Победу, что выстрадали и перенесли — о том знает история. Мы же хотим сказать о другом, а именно о некоторых моментах этой борьбы.

Весной 1943 года одна из симферопольских подпольных групп, носившая название «Чатыр-Даг» (так называется гора в окрестностях Симферополя), была разоблачена гестаповцами. Спасти удалось лишь нескольким ее участникам, остальные же были схвачены и расстреляны. Каким образом фашистам удалось выйти на след подпольщиков, кто им в этом помог — так и осталось тайной. Да и кто бы ее стал разгадывать, эту тайну? И как ее можно было разгадать в сорок третьем году, в самый разгар фашистской оккупации? На войне как на войне — без смертей не бывает.

Оставшиеся три подпольные группы продолжали действовать. Впрочем, их было уже и не три, а гораздо больше — так гласит та же история. Еще несколько подпольных групп образовались в городе стихийно, сами по себе, без всякого участия и направляющей руки советской власти. Потому что не было в тот момент в городе никакой советской власти, а была совсем другая власть — фашистская.

В начале весны 1944 года фашистами была разоблачена еще одна подпольная группа — «Салгир». Опять же были схвачены почти все ее участники, лишь пятерым удалось спастись. Разоблачение было тем более неожиданным и досадным, что близился час освобождения Крыма и, соответственно, Симферополя. По сводкам, советские войска наступали на перекопские укрепления и вот-вот готовы были их прорвать, а потом устремиться вглубь

полуострова до самого Симферополя и еще дальше — до самого побережья. Фашистским войскам, как и советской армии в 1941 году, не за что было зацепиться в крымской степи, доходившей почти до самого Симферополя, а поэтому освобождение Крыма предполагалось стремительным и скорым.

И вот надо же такому случиться — подпольная группа «Салгир» была разоблачена, а ее участники арестованы! Да притом так быстро, что никто из подпольщиков и опомниться не успел! Мигом и одновременно налетели, всех схватили, и, почти не допрашивая, всех участников группы на следующий же день расстреляли. Как гестаповцам удалось разоблачить группу, кто им в этом помог? Вот вам еще одна тайна вдобавок к тайне раскрытия подпольной группы «Чатыр-Даг», которую разоблачили ранее.

Советские войска вошли в Симферополь в начале апреля. Через несколько дней после освобождения города встретились четверо из оставшихся пяти подпольщиков разгромленной подпольной группы «Салгир». Их звали Ласточка, Лихой, Абдулла и Стратег. Ласточкой была женщина, остальные — мужчины. Конечно, все это были подпольные клички. Сейчас, после освобождения города, особой надобности в кличках не было, но подпольщики к ним привыкли, клички за годы оккупации стали их вторыми именами, и поэтому они обращались друг к другу именно так — называя друг дру-

га по кличкам. Пятого оставшегося в живых подпольщика Бильярдиста с ними не было. Ласточка, Лихой, Стратег и Абдулла его искали, но не смогли найти. Куда он подевался, никто из них не знал.

По привычке четверка собралась на явочной квартире, которую, впрочем, теперь можно было называть бывшей явочной квартирой. Предстоял важный разговор — о недавнем разгроме фашистами подпольной группы «Салгир». Вопросов, которые подпольщики хотели обсудить и получить на них хотя бы гипотетические ответы, было много, и все это были очень важные вопросы. Как так получилось, что группу вычислили и разгромили? Откуда фашистам стало известно о группе? Почему разгромили именно их группу — ведь в городе действовали и другие подпольные группы? Кто именно в них входил, ни Ласточка, ни Лихой, ни Абдулла, ни Стратег не знали, они лишь знали, что в городе, помимо них, сражаются и другие подпольщики. Может, кто-то донес? Но тогда — кто именно? Вопросов было множество, а вот ответов — пока что ни одного.

— Вот ведь что интересно и непонятно! — проговорил Стратег. — Арестовали почти всех, и при этом одновременно! Такое впечатление, что арест готовился загодя!

— Так оно и есть, — согласился Лихой. — Это была продуманная и спланированная гестаповская операция. Никакой случайности здесь быть не может. Случайность — это когда арестовали кого-то

одного. Ну, или двоих... А нас накрыли почти всех. Какая уж тут случайность?

— Значит, они о нас знали, — сказала Ласточка.

— Что значит знали? — вскинулся Абдулла. — Откуда они могли знать? Кто им сказал?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — вздохнула Ласточка. — Для того мы и собрались.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? — запальчиво воскликнул Абдулла. — Ты предполагаешь, что среди нас есть предатель, который донес в гестапо на наших товарищей! Кто он? Может, я? Или кто-то из вас?

— Не знаю, — развела руками Ласточка. — Если бы я знала...

— А тогда зачем говорить такие слова? — все с той же запальчивостью спросил Абдулла. — Если не знаешь, зачем говоришь? Зачем обижаешь подозрением людей?

— Но ведь гестаповцы откуда-то узнали о нас, — с грустной безнадежностью возразила Ласточка. — Как они могли узнать?

В квартире установилась напряженная тишина. Все молчали, и никто не смотрел друг на друга. Все думали об одном и том же — как так получилось, что их группа оказалась разгромленной?

— Я знаю, о чем мы сейчас все думаем, — наконец произнес Стратег. — Мы думаем о том, кто из нас — предатель. Ведь так? Вот видите, вы все — молчите... Значит, я прав. А это нехорошо. Неправильно.

Не надо нам подозревать друг друга. Ни у кого из нас нет доказательств, что кто-то из нас гестаповский осведомитель. Или есть? — он по очереди взглянул на каждого из собеседников. — Вот видите — нет доказательств... А подозрения — это не доказательства. В подозрениях без доказательств всегда таится ложь.

— И что же ты предлагаешь? — угрюмо спросил Лихой.

— Я предлагаю спокойно разобраться в ситуации, — ответил Стратег. — Без ненужных подозрений и обвинений. Насколько это возможно... Да и кого подозревать? Все мы здесь люди проверенные и испытанные. Ведь сколько всем нам пришлось пережить за эти годы! Почти каждый день — как по лезвию... Какое уж тут предательство?

— А Бильярдист? — спросила Ласточка.

— А что Бильярдист? — не понял Стратег. — Бильярдист то же самое, что и мы — проверенный товарищ.

— Но ведь его с нами нет... — сказала Ласточка.

— И что с того? — пожал плечами Стратег. — Ну, нет. Не нашли мы его. Мало ли где он может быть! Мало ли какие у него дела! В конце концов, он не знает о нашем совещании. Никто из вас не знал. Это ведь я вас всех собрал. Ну и вот: вас собрал, а его не нашел. Только и всего.

— А может, и предателя-то никакого нет вовсе, — отозвался Лихой. — Я вот что думаю... Почему мы решили, что предатель среди нас?

— Никто ничего не решил! — перебил Лихого Абдулла. — Кто предатель? Ты? Я? Она?

— Вот и я о том же, — терпеливо произнес Лихой. — Ни я, ни ты, ни она... А, допустим, кто-то из тех, кого арестовали и расстреляли.

— Это как так? — не понял Стратег.

— А вот так, — проговорил Лихой. — Он нас предал, а они его расстреляли. Фашисты. Они и своих стреляют. Что с них возьмешь?

— Ну, это вряд ли, — засомневался Стратег. — Зачем им пускать в расход такого ценного человека? Разумнее оставить его живым в нашем же городе. Или в каком-нибудь другом. Чтобы он всячески вредил и шпионил. Война-то еще не окончена.

— Может, и так, — согласился Лихой. — А может, и не так. Поди разберись. А разбираться надо. Потому что если предатель есть и он жив и находится где-то поблизости, то представляете, сколько бед он может натворить! Да и несправедливо оставить его неразоблаченным. По его вине погибли наши товарищи, а он жив...

— И что же нам делать? — спросила Ласточка.

— Искать иуду, — сказал Лихой. — Что же еще?

— И как мы будем это делать? — поинтересовалась Ласточка.

— Вот чего не знаю — того не знаю! — вздохнул Лихой.

— Зато я знаю! — сказал Стратег. — Будем проверять друг друга. Ну, и заодно Бильярдиста...

Не подозревать понапрасну и не обвинять огульно, а именно проверять — серьезно, тщательно и вдумчиво.

— Это как так? — спросил Абдулла.

— Путем логических рассуждений, — сказал Стратег. — Только так, и никак иначе. Потому что в противном случае перегрыземся и начнем подозревать друг друга в иудстве. Всерьез и основательно. И что будет дальше — неведомо. Может, вцепимся друг другу в горло, может, станем доносить друг на друга властям, может, еще как-то по-иному поступим... Не имея на все перечисленное мною никаких оснований, кроме недоверия друг к другу и взаимной ненависти.

— Значит, открываем следствие по делу разгромленной подпольной организации под названием «Салгир»? — иронично произнес Лихой. — Ну-ну... И кто же будет у нас главным следователем?

— Все мы будем следователями! — воскликнул Абдулла. — Ты — для меня, я — для тебя!

— Много же мы расследуем таким-то способом! — еще с большей иронией произнес Лихой. — Ты будешь врать мне, я — тебе...

— Я не буду тебе врать! — с яростной энергией воскликнул Абдулла. — Зачем мне врать? Я честный человек!

— И я тоже честный человек, — покачал головой Лихой. — И все мы здесь честные люди. Но наших товарищей все же кто-то предал...